
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СУБЪЕКТА ДИСКУРСНОЙ ПРАКТИКИ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. А. Кожемякин

*Белгородский
государственный
университет*

В статье рассматриваются различные подходы к формулированию и решению проблемы субъекта дискурсивной практики в истории философии XX века. Автор обращает внимание на три наиболее часто фиксируемые особенности субъекта дискурса – гетерогенность, «иллюзорность свободы» и социокультурная детерминированность. Автор предлагает свою интерпретацию проблемы, предлагая рассматривать субъекта как основание дискурса, а не как его аспект, функцию или диалектический элемент.

Ключевые слова: дискурс, субъект, неклассическая философия, язык, конституирование субъекта.

Проблема субъекта дискурсивной практики, на первый взгляд, представляется достаточно простой, если не сказать – искусственной. Казалось бы, индивид является свободным субъектом и агентом его смыслообразующей речемыслительной деятельности, и даже объективные ограничения свободы его коммуникативно-когнитивных действий – языковые нормы, стандарты общения, логические правила – могут быть модифицированы индивидом в зависимости от его интенций и интересов. Собственно, конституирование интенций, интересов и прочих психических явлений в качестве онтологического основания дискурсивной практики и «дискурсивной свободы» являлось базовым допущением этой – классической – точки зрения¹, из которой прямым следствием выводится положение о том, что индивид свободно выражает свои мысли и эмоции в соответствии с доступным ему кодом, а точность и полнота выражения непосредственно зависит от «степени освоения» данного кода. В классической парадигме языка предполагалось, что чем лучше индивид знает язык, тем ему проще выражать собственные мысли. Это предположение очевидным образом базировалось на том допущении, что субъект «отбирает» семиотические единицы так, чтобы они соответствовали уже существующей мысли или же, как считалось, главным образом, в рамках

---

¹ См., например, работы Э. Бенвениста, Л. Ельмслева, А. Мартине, Г. Пауля, Ф. де Сосюра, А. Шлейхера, Х. Шухардта.

французской структурно-формальной школы изучения языка, субъект *использует* язык таким образом, чтобы мысль была точно выражена.

Однако, это классическое представление об отношениях между субъектом и дискурсом подверглось и продолжает подвергаться серьезному переосмыслению в философии. Впервые критика субъекта дискурсивной практики возникла в контексте т.н. «лингвистического поворота». Язык стал пониматься не в качестве внеположенной объективной реальности или средства мышления и коммуникации, используя которое мы можем «выражать то, что думаем»; язык стал трактоваться в роли субститута самого мышления. Эти положения побудили исследователей пересмотреть вопрос о роли и статусе субъекта дискурсивной практики.

Ключевое положение философии языка XX века о языке как «онтологическом пределе» подразумевает, что индивид не может выразить то, чего нет в языке. То, что в рамках классической точки зрения мыслится как объективное ограничение и, в то же время, ресурс дискурсивной практики, в концепциях Витгенштейна, Остина, Сёрля, Куайна, а впоследствии – Деррида, Кристевой, Бодрийяра и других интерпретируется как творческая процессуальность, фактически совпадающая с бытием индивида. Субъект начинает мыслиться как языковая (и текстовая) реальность, как то, что состоит из языка, а не как то, что внеположено языку. Человеческое сознание делает предикатами объектов то, что заложено в способах их представления и, как следствие, – язык может быть познан только имманентными ему способами². Подобное положение дел достаточно подробно рассмотрено в философии деконструктивизма в контексте ее идей о том, что «не мы говорим, а нами говорят, и не мы пишем, а Письмо пишет нами» (Деррида).

Наибольшую значимость проблема субъекта дискурса приобретает в контексте философских теорий дискурса, рассматривающих субъекта в системе таких его качеств, как гетерогенность, детерминированность социокультурными, идеологическими и собственно дискурсивными феноменами, убеждение в независимости его дискурсивной практики. Укажем на основные положения обоснования этой интерпретации субъекта дискурса.

В концепции археологии и генеалогии дискурса Мишеля Фуко, к которой восходят многие современные теории дискурса, феномен дискурсивного производства субъективности становится ключевым предметом анализа. Субъект «рождается» в процессе осуществления власти, понимаемой Фуко как сложное переплетение побуждающих и подчинительных действий. Власть, как неоднократно подчеркивает Фуко, не выводится из интересов конкретных индивидов и «не принадлежит» субъектам; она есть деятельность, которую осуществляют одни индивиды по отношению к другим, и в этом отношении целесообразнее говорить не о «властных агентах», «правителях» и «подчиненных», а о «властных отношениях», «правлении» и «подчинении». Фактически, Фуко говорит о «конституируемых субъектах», которые становятся возможными благодаря и в процессе осуществления власти. «Субъекты постепенно, прогрессивно, реально и материально конституируются посредством множества организмов, сил, энергий, материй, желаний, мыслей и т.д.»³. Следовательно, конкретная комбинация всех перечисленных средств порождает определенного субъекта, а изменение их содержания и характера неизбежно приводит к иной «субъективной конфигурации». Принципиальным для этой интерпретации субъекта дискурса является рассмотрение его в терминах «децентрации», «множественности» и «фрагментарности».

Процесс конституирования субъектов – это дискурсивный процесс, в котором создаются и воспроизводятся смыслы, нормы, ценности, выражающие, закрепляющие и делающие возможными определенные «организмы, силы, энергии, материи, желания и мысли». Как утверждает А.В. Захаров, «порядок дискурса – не индивидуальная воля

² Ср. с известным высказыванием Гадамера: «всякие рассуждения о языке вновь и вновь оказываются языком»

³ Цит. по: Дикон, Р.А. Производство субъективности // Логос. – 2008. – №2 (65). – С.33.

и не коллективная ментальность, а технология словоупотребления и создания культурных текстов, технология, по которой действуют «машины производства смысла»⁴. С этой точки зрения, то, как реализуется интенция говорящего и как актуализируется аутентичный смысл, предопределяется доступными коммуникантам дискурсивными средствами, стратегиями, технологиями или – порядком дискурса. В этом проявляется *двойственная природа субъекта*: с одной стороны, субъект является эффектом властных отношений, но с другой – он сам производит власть в ходе дискурсивной практики. Фуко, анализируя дискурсивные процессы осуществления власти, подчеркивал важность не столько процесса принуждения, сколько добровольного подчинения индивидов, и в этом он продолжает традицию понимания субъекта идеологии, сформулированную впервые Л. Альтюссером: «Индивиды интерпеллируются в качестве (свободного) субъекта, чтобы он свободно подчинился приказам Субъекта, то есть (свободно) принял свое подчинение»⁵. Субъект, «соглашаясь» с принуждением, фактически производит его, а эта связь между индивидуальными действиями и воспроизведением власти возможна также благодаря порядку дискурса. Семиотические образования (язык, высказывания, тексты в широком смысле) организованы таким образом, что «воплощая» их в коммуникации, индивид актуализирует власть и свою идентичность, хотя и «не знает» об этом.

Феномен «незнания» о подчиненности субъекта порядку дискурса является одним из центральных предметов изучения в современном «критическом дискурсивном анализе» и впервые был подробно рассмотрен в работах М. Пешё. Он трактует субъекта как то, благодаря чему реализуется идеология, о чём субъект не подозревает. Субъект «забывает» о собственной дискурсивной несвободе и создает иллюзии относительно того, что все, что он мыслит и выражает суть результат его личного опыта, его психических особенностей или его мировоззрения, а не идеологии и самоактуализации дискурса. Феномен «забвения собственной дискурсивной несвободы» имеет важнейшее эпистемологическое значение для современной теории дискурса: если субъект создает себе иллюзии относительно независимости его коммуникативно-когнитивной деятельности от идеологических компонентов дискурса, то необходимо, как минимум, анализировать структуру этих иллюзий. Поскольку эти иллюзии не произвольны и не спонтанны, а социокультурно и идеологически детерминированы, то их анализ позволяет, по мысли Пешё, выявить эффекты идеологических смыслов, транслируемых субъектом посредством дискурса.

Утверждение о неосведомленности субъекта относительно «встроенности» его дискурсивной практики в идеологический контекст, о необходимости и в то же время ошибочности представлений субъекта о своей дискурсивной практике как о свободной, на наш взгляд, очевидным образом иллюстрирует развитие концепции субъекта Жака Лакана.

Французский философ, размышляя о природе субъективности и границах ее автономности, утверждал о так называемой «нехватке Реального», которую испытывает субъект на протяжении всей своей жизни и которая проявляется в том, что человек по своей природе не является ни «естественно автономным», ни способным к самостоятельной адаптации к окружающей среде. Реальное в таком контексте интерпретируется Лаканом как опыт, лишенный проблемы, рассогласования или различия⁶. Как известно, Лакан фиксировал феномен стремления субъекта к собственной «завершенности» и к преодолению своей внутренней расщепленности посредством понятия «фантазм», означавшим доминирование «Воображаемого» над «Реальным». Собственно, Воображаемое трактуется французским философом как компенсация изначальной нехватки Реального.

⁴ http://www.sociologist.nm.ru/articles/zaharov_05.htm (проверено: 02.10.2008).

⁵ Althusser, L. *Lenin and Philosophy and other essays*. London: NLB, 1971. P. 169.

⁶ См., например: Лакан, Ж. Семинары. Книга 7: Этика психоанализа (1959-1960). – М.: Гнозис, 2006. – С. 93-115, С. 132-151; Лакан, Ж. Имена-отца. – М.: Гнозис / Логос, 2005. – С. 34-36, С. 42-43 и другие работы.

Однако, Воображаемое и порождаемые им «фантазмы» структурированы и упорядочены «матрицей субъекта» – то есть Символическим, которое выступает в качестве «внешней силы», определяющей в какой форме, в каком объеме и с какой интенсивностью будет представлено Воображаемое. Источником такой символической идентификации субъекта становится язык, используя который, субъект «забывает» о Реальном, увеличивает разрыв между своими идентичностями, между своим «Я», окружающим миром и собой как Символическим субъектом.

Отметим, что для Лакана одной из ключевых проблем является проблема «символической отчужденности» субъекта от внешних детерминирующих механизмов и структур. Дискурсная практика субъекта (выраженная в терминах функции Символического) не является продуктом воли самого человека, она определяется внешними по отношению к субъекту предписаниями, запретами, нормами и правилами, то есть социокультурными детерминирующими механизмами. Субъект в лакановской теории описывается как функция культуры, ее атрибут и «пустой знак» (в противовес картезианскому Субъекту как рефлексирующему самостоятельному агенту). Культура реализуется в субъекте, но он при этом лишён возможности подвергать рефлексии свою детерминированность.

Несколько иной подход к решению проблемы субъекта дискурса сформирован в социально-гуманитарных дисциплинах последних трех десятилетий. Так, философ, социолог и психолог Ирвинг Гофман рассматривает коммуникативные основания деятельности индивида в контексте участия субъекта в социальных интеракциях. Природа дискурса мыслится американским автором в рамках символической деятельности, основанной на принципе субъект-субъектных отношений. Принципиальным является то, что субъект трактуется как инициатор дискурсной практики: мотивы и желания субъекта становятся основанием его конкретных действий по означиванию и символизации действительности. Дискурсные средства и стратегии, по версии Гофмана, полностью подчинены субъективным установкам, направленным на достижение, удержание и использование желаемого объекта, или – «блага». Фактически субъект самостоятельно номинирует дискурсные объекты: представление о том, что считать «благом» определяется на уровне субъективного сознания, а не конституируется порядком дискурса, культурными ценностями или идеологическими установками⁷. Гофман подчеркивает, что и культура, и идеология противопоставлены субъекту как целое – части; субъект есть единица, необходимый элемент более сложных образований, а отношения между частью и целым возможны благодаря иницируемой субъектом семиотической деятельности.

Итак, подведем некоторые итоги рассмотрения сложившихся взглядов на проблему субъекта дискурса.

Субъект часто понимается как то, что зависит и происходит от дискурса, и трактуется в таких терминах, как «эффект дискурса», «продукт дискурсной формации». Дискурс в таком ключе мыслится как самоорганизующаяся процессуальность, в которой вследствие «подчиненности» субъекта имеет место не интерпретационная деятельность, а «самотолкование мысли», при котором каждое высказывание есть толкование иного высказывания – и так до тех границ, которые определены целостностью семантического поля.

Достаточно распространенной является также интерпретация субъекта как индивида, одновременно конструируемого дискурсом и конструирующего дискурсную практику. При этом подчеркивается, что «вера» субъекта в аутентичность и независимость его дискурсной практики является условием воспроизводства и порядка дискурса, и, в целом, социальных отношений.

Субъекты интерпретируются также как агенты дискурса и в то же время как его элементы, взаимодействие между которыми образует культуру и дискурс как устойчивые образования.

---

⁷ Goffman, E. Relations in public: Microstudies of the public order. Harmondsworth: Penguin, 1972. PP. 51, 52, 88, 124, 226.

То, что объединяет все три точки зрения, несмотря на существенные противоречия между ними, – это помещение субъекта в оппозицию дискурсу. Связь «субъект – дискурс» мыслится либо диалектически, либо компенсаторно (то есть один элемент дополняет и развивает другой). Субъект мыслится либо как внеположенный дискурсу, либо как переменная (или функция) дискурса.

На наш взгляд, эти подходы имеют ряд объяснительных ограничений. В частности, трактовка субъекта как «продукта дискурса» и интерпретация дискурса как принуждающего механизма, *производящего* субъектов, не в полной мере способствует пониманию природы многообразия конкретных ситуаций и интерпретаций коммуникации. Если дискурс есть «машина по производству субъектов», то почему субъекты столь многообразны, а их действия – не всегда предсказуемы? Помимо этого, неясно, чем обусловлены трансформации дискурса – некоторым «внутренним» потенциалом дискурса или всё же действиями субъектов? Возможным ответом на эти вопросы является следующая постмодернистская установка: многообразие коммуникативных ситуаций и мобильность дискурса свидетельствует о том, что порядок дискурса произволен и допускает бесконечное множество флуктуаций. Но это положение представляется не достаточно убедительным в силу того, что случайность дискурса, во-первых, ставила бы под сомнение существование некоторых устойчивых и коллективно разделяемых форм классификации, категоризации, распределения объектов познания и как следствие – упорядоченности дискурсивной практики, и, во-вторых, делала бы необязательным разделение человеческой деятельности на различные институциональные «сегменты» – политику, религию, право.

Теория «забвения субъективной дискурсивной несвободы», по-видимому, исключает возможность рефлексии субъекта об основаниях его семиотической деятельности, но при этом остается необоснованной возможность самой теории дискурса: если субъектам принципиально недоступно повседневное знание о предопределенности их дискурсивной практики культурно-идеологическими установками, то каким образом это знание становится доступным авторам этой теории? И если теория возможна как способ рационализации «дискурсивной несвободы», означает ли это, что условия рационализации воспроизводимы, а значит речь следует вести не о «тотальном» забвении, а об «относительном»?

В свою очередь, «субъектно-ориентированные» теории обладают излишним психологизмом, что не позволяет в полной мере оценить конструктивный потенциал дискурса. Помимо этого, чрезмерный акцент на субъект-субъектных отношениях оставляет «в тени» общественные интересы и коллективные ограничения реализации желаний и мотивов индивида. В рамках этого подхода игнорируется конструктивный характер дискурсивной практики в отношении действий индивида, которая, на наш взгляд, представляет собой не только функцию субъекта, но и функцию общества по отношению к субъекту; дискурс не только *генерируется субъектом*, но и *принуждает его*.

Известны также и другие варианты решения проблемы субъекта дискурсивной практики. Так, Витгенштейн, указывая на невозможность «вывода» познания за пределы языка, утверждал о возможности контекстуализации языка и «изгнания» из него генерализаций. Согласно его мысли, если референты языковых единиц также имеют языковую природу, то мы как рефлексивные существа можем, по крайней мере, сделать эти референты более эмпирически ощутимыми (свести их к контексту).

Гадамер, обращая внимание на предопределенность познания и коммуникации языковыми интерпретациями мира, рассматривал семиотическую деятельность как относящуюся не к сфере «Я», а к сфере «Мы», утверждая тем самым необходимость установления примата диалога над индивидуальными интерпретациями.

Видимо, следует признать, что *субъект не противопоставлен и не включен в дискурс; он есть основание дискурса и потому не может быть рассмотрен ни наравне с его аспектами или параметрами, ни как то, что «сопротивляется» дискурсу*. В то же время мы признаем факт принуждающей силы, которую дискурс ока-

зывает в отношении субъекта. Определенные обстоятельства вынуждают индивида следовать некоторым дискурсным правилам, реализовывать определенные дискурсные стратегии, воспроизводить дискурсные формулы и последовательности. Люди достаточно часто «говорят не то, что хотели сказать», «говорят так, как принято» или, по Фуко, «следуют анонимности шепота». Субъект, несмотря на то, что является автором дискурса или его активным реципиентом, не является его «хозяином».

Принуждающее действие дискурса проявляется также в категорической невозможности субъекта «быть вне» дискурса: даже рефлексия о дискурсе происходит с помощью дискурсных средств. *Субъект является основанием дискурсной практики и в то же время испытывает принуждающее действие с ее стороны по отношению к себе.*

Мы полагаем, что даже в ситуациях дискурсного принуждения у субъекта есть определенная свобода следования правилам дискурса, реализации его стратегий и воспроизводства дискурсных формул, а следование «анонимному шепоту» есть не что иное, как стремление человека к сохранению, воспроизведению и адаптивной трансформации индивидуального и коллективного опыта. *Наличие такой свободы и такого стремления обуславливает рефлексивный, интенциональный и преимущественно рациональный характер дискурсной практики.*

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон + ОИ Реабилитация, 2008.
2. Гадамер, Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М: Директмедиа Паблишинг, 2007.
3. Горных, А. Лакан // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – С. 407.
4. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. – С.407-427.
5. Дикон, Р.А. Производство субъективности // Логос. – 2008. – №2 (65). – С.21-65.
6. Лакан, Ж. Имена-отца. – М.: Гнозис/Логос, 2005.
7. Лакан, Ж. Семинары. Книга 7: Этика психоанализа (1959-1960). – М.: Гнозис, 2006.
8. Фуко, М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
9. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: Академический проект, 1994.
10. Althusser, L. Lenin and Philosophy and other essays. London: NLB, 1971.
11. Goffman, E. Relations in public: Microstudies of the public order. Harmondsworth: Penguin, 1972.

INTERPRETATION OF SUBJECT OF DISCURSIVE PRACTICE IN NON-CLASSICAL PHILOSOPHY

The article discusses different approaches to the formulating and solving the problem of subject of discursive practice in the history of philosophy of the XXth century. The author describes three mostly examined qualities of the subject of discourse – heterogeneity, “imaginary freedom” and sociocultural determination. The author explains his own interpretation of the problem and proposes to examine the subject as the basis of the discourse, but not as its aspect, function or dialectical element.

E. A. Kozhemyakin

*Belgorod State
University*

Key words: discourse, subject, non-classical philosophy, language, constitution of subject.